

Поход русов на Цареград. 860 г.

* * *

Богат и многочислен Цареград¹
Украшен великолепными дворцами:
Собор Софии, храмы с куполами...
На пестрых площадях торги шумят...
Воловье стадо гонят продавать.
А вон ряды усыпаны плодами...
А дальше – место с хлебными рядами,
Народ туда валит – не надо звать.
Другая площадь – и иной товар:
Посуда немудреная из глины,
Ножи, чеканка тонкая эллинов,
Нарядный шелк – предмет восточных чар.
У моря с кораблей ведут рабов.
Славянами торгуют много, споро.
Поганый² славянин, здоровый, скорый –
Работник на судах у рыбаков
И на участке у землевладельца.
Славянок юных беленькие тельца
Приятны для вельмож и их сынков.
Архонты³ у которых сила, власть,
Забылись в море вин и сладострастья.
А церковь люд спасает от напасти
Добро чужое и хотеть, и красть.

* * *

На рынке при народе светлым днем
Мужчин смущает нищая гречанка:
– Купец, ты здесь толчешься спозаранку –
Возьми меня, и вместе отдохнем.
– Герой, постой – я вижу, воин ты.
Из далека? Без женщины не скучно?
Не проходи, как евнух, равнодушно.
Смотри, как груди гладки и чисты.
Эй, юноша, тебе пора познать
Любви искусство. Ну же, будь смелее!
Пойдем со мной, как дева, не сомлею,
Утешу, приласкаю, будто мать.
– Старик, за сыра круг отдам себя.
Я помогу тебе, какие шутки...
Мне нечем накормить мою малютку.
Пошли... Ах, улыбнулась мне судьба.

¹ Цареград – Константинополь (ныне – Стамбул).

² Поганый – не христианин.

³ Архонты – представители знати, власти.

* * *

В неволе славянин который год.
Закончив со скотом, идет на поле...
Измученный полянин⁴ обездолен:
На севере его земля и род.
Они зовут тревожно в каждом сне,
И сердце от глухой тоски стенает...
Дорогу в край родной полянин знает
И от плетей сбегает по весне...
Сумел уйти от стражей далеко.
Три дня уже не ел, теряет силы,
Но все идет, идет на голос милый,
Кочевья огибая степняков...
И вот он у полян, в стране отцов,
Остались от него глаза да кости.
Родные не узнали, будто в гости
Пришел чужой, и плачет он без слов.
Но мать, всплеснув руками, обмерла:
В глазах пришельца увидав кровинку
Супруга, что в степи растаял льдинкой,
И родинку, что на плече была.

* * *

Цветут сады на киевских холмах,
А в Днепр шелковый смотрятся березы.
Тут вечно рядом радости и слезы,
Сласть от побед и перед степью страх.
За крепостной стеною мир и лад.
Кузнечный звон и близко, и далеко...
Как будто мир безоблачный, широкий
Он обтекает, как сто лет назад.
Отрадой сердце полнится, поет –
Здесь отчий кров с защитой и надеждой,
Отсюда даль не кажется безбрежной:
Для сокола всего один полет.

* * *

Купалы⁵ день. В священной роще люд
В одеждах белых и венках цветочных.
Здесь – принесенье жертв медовосочных...
Светло, и птицы весело поют...
Березки собрались в веселый круг
И шепчутся: секреты – их отрада.
Но вот пришла вечерняя прохлада.
Все после трапезы на луг идут.
Зажгли костры и встали в хоровод.
Девчата по Днепру огни пустили,

⁴ Полянин – славянин (здесь – киевлянин) из племени полян.

⁵ Купала – бог плодородия, огня и воды.

Чтоб пращуры к живым добрее были:
Суровых предков чтит, как прежде, род...
А над кострами и велик, и мал
От разной скверны души очищает...
Бог красна лета их с Огнем венчает,
Чтоб дух подобно плоду созревал.

* * *

Прошли гулянья... Пировали власть,
Теперь пора всерьез за дело братья.
Купцы с низовьев стали возвращаться.
К себе на разговор позвал их князь.

Князь Аскольд: – Почто, купцы,
товар ваш стал бедней?

Неужто притесняют вас ромей⁶?

Купец: – Скорее, князь,
они не разумеют

Того, что просим. Там мы всех бледней.

Все лучшие места у христиан:

У местных и заморских персов, греков.

Нас еле признают за человек...
Хвала богам, что не за павиан.

А многие из наших там – рабы.

Нас продают хазары и булгары.⁷

Славяне там – такие же товары,

Как воск и мед, как ягоды, грибы...

Ромей чтут торговый договор,

Что со страной богатой заключают

На тридцать лет. А нас они не знают,

И потому у нас такой разор.

Брат князя Дир: – Ромей позабыли, ожирев,

Все славные славянские походы!..

Как будто нет на севере народа

Достойного, а есть холодный хлев!

Для них тут скотский двор, земля рабов.

Пора напомнить, что такое русы!

Аскольд: – Не горячись!

Их воины – не трусы,

Их армия – в оружие до зубов.

Поход свершиться должен в лучший срок.

Купцы, что слышно в мире про арабов?

Купец: Воинственны... Остановить их дабы,

Сбирает кесарь войско.

Аскольд: – Чей же бог,

Арабский иль ромейский, победит?

Пускай сойдутся и воюют жестко.

А Цареград, оставшийся без войска,

Как яблоко, нам в руки упадет...

⁶ Ромей – византийцы, греки.

⁷ Хазары, булгары – степные соседи славян.

—170860—

* * *

Мать: – Сынок, зачем тебе – на Цареград?
Оттуда ты пришел больным и тощим,
А здесь цветут твои луга и рощи,
И каждый здесь тебе – сестра иль брат.

Сын: – От мук душевных мне покоя нет:
Хочу отца найти живым иль мертвым.
Когда бежал, за каждым поворотом
Надеялся его увидеть след.

Еще хочу злодеям отомстить,
Что нас с купцами в поле одолели,
Да и ромеям, чьи ремни алели
От крови рабской, – мне их не простить.

Мать: – Тогда иди... На шее оберег...
А вот земли родимой узелочек.
Поможет ее силушка, сыночек,
И будет с ней покойней твой ночлег.

* * *

На киевском Подоле – синий лес.
В низине многотравно и тенисто,
Туманы опускаются волнисто –
Здесь на земле господствует Велес⁸
А на холме, где солнца сотни струн
И небо удивительно благое,
Вдруг вырастает божество другое –
Среброголовый великан Перун⁹
Ему клянется храброй быть всегда
В сраженьях закаленная дружина.
Все кмети¹⁰ во оружии едины,
Для всех одна удача и беда.
Клянется князю в верности Илья
В порубленной уже не раз кольчуге
И юный Горислав, что вскормлен кругом¹¹
У ратного костра с конца копья.

* * *

Как прадед Кій, объединивший в Русь
Полян и северян, славен, Поросье¹²
Аскольд считает Поднепровье осью,
Соединившей племена в союз.
Она одна чрез земли степняков

⁸ Велес – бог хозяйства, скота.

⁹ Перун – бог-громовержец, покровитель дружины.

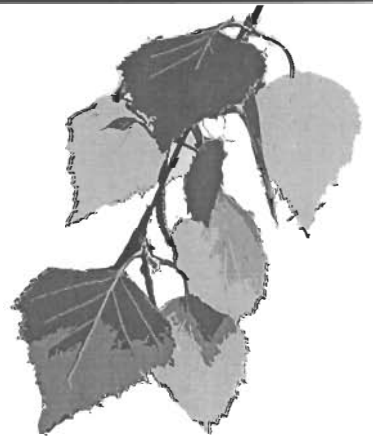
¹⁰ Кмети – воины, дружинники.

¹¹ Круг – сообщество.

¹² Поросье – пойма реки Рось.

Несет к морям и берегам успеха.
Торговля для Аскольда – не потеха,
А средство выйти из лесных оков.
Союзные славяне – молодцы:
Доходят на «вельблудах»¹³ до Багдада,
Хвалисса¹⁴ на ладьях пройдя преграду.
Но завещали путь иной отцы:
До Цареграда – центра всей земли –
Куда везут товар Восток и Запад
И юг арабский хищно тянет лапу
И север устремляет корабли.
Почетным гостем в Византии был
Отважный Кий. Он княжил на Дунае,
За честь признанья кесарю¹⁵ внимая.
Но удержаться не хватило сил...
И долг – связать разорванную нить,
Пройдя Днепром опасности степные,
Нагрнуть с моря, как ветра шальные,
И к договору Цареград склонить.

* * *

Костры горят трескуче вдоль Днепра,
И сотней змей в долине дым клубится.
Зверье забилося в лес, и смолкли птицы...
У русов сбор – тревожная пора.
Вдоль берега дощатые ладьи,
Как гуси ожиревшие, теснятся.
В кострах на вертелах копятся зайцы
И гроздья рыб... Премного впереди
Ночевок звездных с дымной синевой.
Довольно дома на печи валяться...
Родимая Земля, прости скитальца:
Твои песчинки на груди его.
Не спит полянин – думы глубоки.
Великий Сварог¹⁶ круг небес вращает.
И каждая звезда о том вещает,
Что надобно пройти свои круги,
Что карма¹⁷ испытаний для души
Дана и от нее не отвернуться.
Проснись с восходом солнца-Ра¹⁸ и лучше
На поле Яви¹⁹ свой удел паши.

¹³ «Вельблуды» – так славяне называли верблюдов.

¹⁴ Хвалисса – Каспий, Каспийское море.

¹⁵ Кесарь – царь Византии.

¹⁶ Сварог – бог неба

¹⁷ Карма – судьбоносные последствия действий, поступков.

¹⁸ Ра – бог-солнце у ариев, легендарного народа. Корень «ра» – часть многих славянских слов: радость, радуга и т. д.

¹⁹ Явь – один из миров в славянских верованиях: мир проявленный, в котором люди, звери, растения и т. д.

* * *

Вчера вечер полянин был в строю,
Как воду, пил он княжескую фразу.
Живая речь легла на сердце сразу.
За князя он отдаст и жизнь свою.
Аскольд глаголил:

– Мы идем в поход,
Чтобы вернуть за морем честь и славу
И наших предков подлинное право
Там торговать, как и любой народ.
Степные орды перекрыли нам
Тропу Трояна²⁰ чрез поля на горы,
Где воды мчит Дунай и любо взору.
Теперь страдают братья наши там.
Тварь многоглавая теснила нас –
Мы сделали валы, закрыв от змея
Града и веси, пахарей жалея.
Перун с подмогой нашей Землю спас.
А Велес дал ремесла нам и скот.
Плодами, хлебом одарил Купала.
Любовью Лада-мать²¹ соединяла.
Мы кланяемся им за свой живот.
Здесь наша родина с названьем Русь.
Мы – русы! И за морем это вспомнят.
Мы не народ рабов из чащи темной.
Сие я с вами доказать берусь.
И с нами – братья из других племен.
Все в верности мы Перуну клянемся!
И если дружно за дела возьмемся,
То наших не забудет Русь имен.
Пути нам ведомы по лону вод,
Давно натянуты тугие луки,
Мечи изострены, умелы руки –
Никто из ратников не подведет.
Взойдем же, братья, на свои ладьи
И устремимся к Цареграду скоро,
Чтобы омыть чело²² водой Босфора.
Да ждет нас честь и слава впереди!

* * *

Рассеялся туман, и Днепр ожил:
Пришли еще ладьи, челны с верховьев...
И княжий парус, выкрашенный кровью,
Днепровский ветер вдруг разворошил.
Пошел, пошел великий караван.

²⁰ Троян – триединый бог славян, вероятно, и вождь славянского союза племен в древности.

²¹ Лада – богиня весны, весенней пахоты и сева, покровительница брака и любви.

²² Чело – лоб.

Прощай, Земля, прощайте, Русь и Киев.
Платками машут люди дорогие
И молят Ладу-мать: «Избавь от ран»...
Волны лазурь вскипает за кормой,
И чайки ищут счастье над водою.
«Ну вот и все – за дело молодое!
Долой лебяжьи ласки и покой!
Как весело, как радостно в груди,
И как громадна ныне сила наша, -
Полянин улыбнулся. – Выпью чашу
Сию до дна – летите же, лады!».

* * *

С подмогою Купалы, Перуна
Прошли пороги и простор понтийский,²³
И скоро град великий византийский
Откроет вод седая целина.
Немеют русы, взгляд их стал суров.
Давно изострены мечи и копья.
Всем надоели волн холодных хлопья,
И поразмяться каждый муж готов.
На горизонте скалы и холмы –
Ну где ты, Константинова столица?
Все чаще над кормою выются птицы,
Из сонной проявляясь полутьмы.
Их крики беспокойны и резки, ее
Тревожно им над черною водою:
«Откуда вы, с добром или бедою
И почему вас много, рыбаки?».

* * *

Полянин снова там, где пару лет
Томился в рабстве и сносил побои,
Богов своею упрекал судьбою
И лишь надеждой мести был согрет.
Рожденного землей, где нет рабов,
Где лес и поле да лихая воля,
Где только род – закон тебе, не боле,
Всадили в клеть, закрыли на засов.
Как тура из лесной холодной тьмы,
Заставили ходить в ярме несносном,
Когда душа рвалась к родимым соснам,
На славные днепровские холмы...
Но он теперь с мечом – молитесь все.
Настал неотвратимый миг расплаты.
И льется кровь ромеев по палатам –
Слепая месть в неистовой красе...
Схватились за ножи и топоры
Рабы и все обиженные кровно.
Хозяев режут, рубят, словно бревна,
И поджигают их дворцы, дворы.

²³ Понтийский – морской.

* * *

Вот новый дом – полянин на крыльце...
Убогий двор... В отчаянном испуге
Бегут немногочисленные слуги.
Один из них напомнил об отце.

Полянин: – Ты не из русов, раб?! А ну, постой!
Не бойся моего меча – не трону.
Он – смертный враг лишь Цареграда трону.
Ну, повернись!.. О, Лада-мать, – живой...
Его глаза и нос, его лицо...
Отец, тебя ли вижу я воочью?
Как будто свет пролился черной ночью
И разомкнулось страшное кольцо.

Отец: - Сынок! Поверить не могу глазам.
Неужто милость ниспослали боги?
Я думал, ты погиб тогда в дороге.
Не знаю, как живым остался сам.
Меня, почти умершего от ран,
Отдали старцу, даром, без оплаты.
Старик меня выхаживал, как брата.
Он – праведник из верных христиан.
Его жена сидела надо мной.

Слыла распутницею в Цареграде.
Старик ее пригрел малютки ради.
Нехитрый дом их – как ковчег земной.
Полянин: – Их пощадят... И нас щадит судьба.
Закончится поход – домой вернемся.
И снова над Днепром увидим солнце...
Там все родные слезно ждут тебя.

* * *

Над Цареградом черные бразды.
Они – не слуги жалкого ненастья
И не явленье колдовской напасти,
А сонм тревог, отчаянья, беды.
Ромеи стерли голени, молясь,
В безумном страхе ожидают штурма.
И лишь рабы, колодники по тюрьмам
Ликуют, ведь свободу даст им князь.
Торговые ряды пусты, немые,
Голодные собаки воют дико...
Никто не охранит от зол великих,
Жестокой боли и кровавой тьмы.
Ушел с войсками кесарь Михаил
На край своей земли громить арабов,
Остался гарнизон, как отрок, слабый –
Спротивляться русам нету сил.

* * *

Собрал народ у храма патриарх.
Богатые и бедные смешались,
В беде большой друг друга не смущались
И Фотию внимали через страх.

Фотий: – Кругом испуг, отчаянье и вопль...
Град варваров обрушился жестокий,
Уничтожая не лозу, а соки,
Которыми живет Константинопль.
Срывает он не ветви и листы –
Самих людей со древа жизни люто,
Тела их перемальвая будто,
Весь род губя до полной пустоты.
И разве эта кара, ужас сей –
Не за грехи, не за проступки наши?..
Расправы вид за стенами так страшен,
Что описать нельзя картины всей.
Истерзаны, искромсаны отцы,
Их жены, дети, даже скот в предместьях.
Им все равно уже, их души вместе...
Нас тоже не спасут чины, венцы.
О, разум жадный, безрассудный наш,
Ну разве не достоин ты презренья?
Как долго нам прощались прегрешенья,
А мы, безумцы, вновь пускались в раж.
Мы не жалели ближних, становясь
Еще надменней и еще свирепей.
Казалось, снисхожденье нам нелепей,
Чем на ступенях в дом господский грязь.
Рабам простить их долг мы не могли,
Теперь они очнулись и восстали
И гневно, помогая русам, стали
Нас истреблять, стирать с лица земли.
Мы возносились, гордости полны,
Бесчестя тех, чьи руки нас питали.
И вот привел из непроглядной дали
Народ рабов к нам адские челны...
Что сетуете, что кричите мне?
И я, как вы, роняю слезы наземь.
Уныние и мой затмило разум,
Я сам как будто в мрачном полусне.
Но столами не потушить огня,
И плачем не умиловать Бога.
И прежде слез, страданий было много...
Но вы смеялись, страждущих гоня.
А помните, я предостерегал,
Бранил, стыдил, но вы мне не внимали.
Я прятал в огонь,²⁴ мой труд испепеляли
И слуги зла, и те, кто, каясь, лгал.

²⁴ «Прясть в огонь» - устойчивое древнегреческое выражение, означает «напрасно стараться».

Не вижу ныне пользы в плаче я,
Ведь нас настигают жала смерти
И души всюду поджидают черти –
И не подкупен мировой судья.
Довольно слез! Поручкой стану сам
За ваше от погибели спасенье.
Обеты ваши и ночные бденья
В раскаянье уроком будут вам.
Настало время обратиться к Ней,
К единственной надежде в час суровый...
К Тебе, Защитница и Матерь Слова,²⁵
Спаси твой град, грозу над ним развей,
Посредницею милосердной стань
Между людьми и Иисусом Сыном.
И я молиться буду, коль не сгину,
Чтобы отвел Он наказанья длань.²⁶

* * *

Аскольд: – Что за видение в моих очах?
Кто на стене?

Дружинник: – Три черных человека...

Аскольд: – Еще? Не видишь?

Приведите грека,

Да познатней, а с ним и толмача.²⁷

Дружинники: – Ведут, ведут.

Аскольд: – Спроси его, толмач,
Что эти люди делают на стенах.

Не слышит грек, моляся на коленях.
Как куропатка, трепетен, горяч.

Аскольд: – Толкни его - зачем там чернецы?..
Сильней толкни, чтобы открылись уши.
И что несут, спроси, да лучше слушай.

Толмач: – Он молвит, то – святейшие отцы.
В руках их Божьей Матери покров.²⁸

Аскольд: – Так это он, как зарево, сияет...
Их Богоматерь город охраняет.
Что делать нам? Зовите-ка волхвов!

Явились старцы с тенями у глаз.

Брады седые, одна другой длиннее.

Всю ночь богам молились, цепеняя,

В огонь смотрели, ждали свыше глас.

Волхвы: – По знакам, князь, не наш сегодня день,
Перун Царьграда брать не позволяет.
В костре обрядном вещей камень лает,
И от него губительная тень.

²⁵ Слово – христианский Бог.

²⁶ Длань – рука.

²⁷ Толмач – переводчик.

²⁸ Покров Божьей Матери – риза Богоматери, ее головной покров (мафорий) и часть пояса, перенесенные в Константинополь из Палестины в V веке.

На копьях спотыкался вещий конь,
Испарина была на конской вые.
А в небе снова тучи грозовые.
Гляди – вот капля пала на ладонь.

* * *

Большой совет... Аскольд собрал князей
И воевод, старшин, бывалых кметей.
Полощет флаг его холодный ветер,
На море рокот волн все злей и злей.

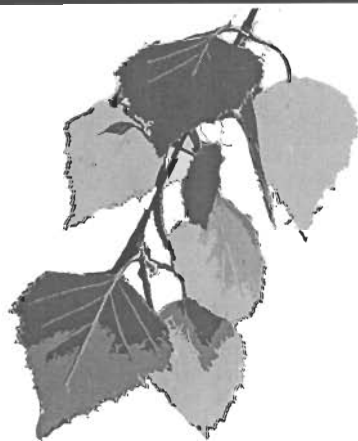
Аскольд: – Так что же, братья,
братъ ли Цареград?
Перун с Купалою предупреждают.
Не повинуемся – нас ожидают
Шальные бури много дней подряд.
Волхвы в тревоге: все стихии нам
Ненастьем и бедою угрожают.
Не хватит ли нам, братья, урожая,
Что мы уже собрали по местам,
Кровавой жертвой оросив сполна
Надменный, презиравший русов берег?
Погряз он в мягкой, как болото, вере.
Но наша вера славная сильна...

Ромеи предлагают вечный мир
И выкуп за сохранность Цареграда.
Признали нас, а это нам и падо.
Что скажешь ты, неукротимый Дир?

Дир: – Трофеи наши велики, и нам
Отяжелять суда уже не стоит...
Идти домой – решение простое,
Разумное, угодное богам.

Варяжский князь: – Иное наши боги говорят,
Сулят удачу нам, богатство, женщин.
Мы не должны довольствоваться меньшим.
Не зря мы здесь – идем на Цареград!

Аскольд: – Вам только бы спускать ромеев кровь,²⁹
Их жертвами как будто ненасытны...
Так всем скажу: отсюда было видно,
Как засиял их Матери покров.
Не ведаю и ведать не хочу,
Что значит это предзнаменование
И что готовит нам судьбина в тайне...
Но вы зовете слепо нас к мечу.
Пойти за вами? Ну и что потом?

²⁹ Спускать кровь – у варягов сохранялись человеческие жертвоприношения.

Как с Кесарем вести переговоры,
Когда мы лишь разбойники и воры,
Разграбившие двор его и дом?
Нельзя рубить свой сук, так говорят.
Нам торговать с ромеями придется
И через них – со всеми, кто под солнцем.
Мы устроили их – теперь назад.
Варяжский князь: – Назад?.. Ах вот ты как заговорил.
Не кровь в тебе струится, а водица.
И будет меч твой от словес тупиться.
Предвижу: от того лишишься сил...
Аскольд: – Молчи, глупец!.. Еще полслова, и...
И ты – мой враг, тогда лишь меч рассудит.
Дир: – Уймись вы, поспорили и будет!
Так что, грузиться на ладьи свои?
Совет: - Домой: мы – с честью, и добра полно!
Аскольд: – Тогда обряд пройдите очищенья.
Волхвы, богам готовьте угощенья,
А к ним – меда и сладкое вино!..

